

ГОД ИЗДАНИЯ 22-й

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! ПРОЛЕТАРИ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЬ! ПРОЛЕТАРЫИ ЎСІХ КРАЇН, ЗАЛУЧАЙЦЕСЯ!
BÜTÜN ÖLKƏLƏRİN PROLETARLAR, BİRLƏŞİN! BUTUN DUNJA PROLETARLARI, BİRLAŞINIZ! PROLETARHOJI HAMAJI MAMLAKATHO, JAK ŞAVED!
BYTINJER JYZYNIN PROLETARLAR, BIRLEŞIN! BYTKVL DYJNƏ PROLETARLAR, BIRIKKILE!

ИЗВЕСТИЯ

С О В Е Т О В
Д Е П У Т А Т О В
Т Р У Д Я Щ И Х С Я
С С С Р

№ 73 (6540)

ПОНЕДЕЛЬНИК

28

МАРТА

1938 г.

Цена 10 коп.

Старый друг

★ ★
Летом 1892 года Алексей Максимович устроился на работу в Главных железнодорожных мастерских в Тифлисе. Я в то время служил в управлении Закавказской железной дороги. Нас познакомил мой сослуживец Началов, ранее знавший Алексея Максимовича. Моя семья находилась тогда на даче, и я предложил новому знакомому поселиться у меня. С радостью приняв это предложение, он прожил у нас около трех месяцев, пока семья не возвратилась с дачи.

Долго беседуя со мной, он рассказывал о своих путешествиях, отдельных жизненных эпизодах. Биографии своей почти не касался, ничего не говорил о пережитом. Рассказчик Алексей Максимович был замечательный. С непринужденной простотой он умело передавал свои наиболее интересные наблюдения.

Творческими планами Горький ни с кем не делился. Это зрело в нем самом. Тему своего первого рассказа «Макар Чудра», написанного в Тифлисе, Горький долго вынашивал. Нечто подобное он однажды рассказывал мне, но произведение получилось богаче, глубже, значительнее.

Я часто твердил ему: «Пишите, пишите, вот так, как рассказываете, и у вас будут тысячи читателей». Это говорилось вообще относительно всех его воспоминаний и наблюдений. Рассказ «Макар Чудра» он написал по своей собственной инициативе. В известной книге И. Груздева «Жизнь и приключения Максима Горького» имеется досадное недоразумение. Автор пишет:

«Калюжный встал, взял его (Горького) за плечи и вывел в другую комнату. Толкнув его туда, он запер за ним дверь.

— Там на столе есть бумага, — сказал он через дверь изумленному Алеше, — запишите то, что мне рассказали. А до тех пор, пока не напишете — не выпускаю».

Ничего подобного в жизни не было. Видимо, Горький в шутку рассказал Груздеву всю эту историю. Единственно, что я внушал Горькому, — это уверенность. Человек он был неробкий, но веры в свои силы еще не имел, потому что не накопил серьезного творческого опыта.

Позднее, на одной из своих книг, присланных мне, Горький написал: «Сегодня исполнилось 9 лет с той поры, как напечатан был мой первый рассказ. Это получилось благодаря вам, Александр Мефодьевич. Крепкожимаю вашу руку, друга и учителя»...

Он часто повторял это. Полагаю, что его благодарность ко мне вызвана только тем, что я первый поверил в его талант. А то смешно — какой же я учитель такого большого художника! В самом деле, когда юноша большого ума, нежного, чуткого сердца пришел в Тифлис, он еще не знал в себе огромных сил. Жизнь не баловала его, но он не боялся превратностей жизни и решил бороться за лучшую долю и себе, и людям. Я встретил этого юношу и братски полюбил, угадывая в нем огромную душевную силу и призвание к художественно-литературной деятельности.

Свой первый рассказ «Макар Чудра» Алексей Максимович понес в редакцию газеты «Кавказ». Я предупредил работавшего там журналиста Цветницкого, что в лице Пешкова он встретит интересного человека. Псевдоним себе Алексей Максимович придумал сам. Впоследствии он говорил мне: «Не писать же мне в литературе — Пешков».

Вторая вещь Горького — о девушке, встретившей смерть (речь идет о поэме «Девушка и смерть»), была отвергнута редакцией газеты. Со мной Алексей Максимович о ней не говорил. Написал и сам понес в редакцию. О неудаче я узнал от Цветницкого. Разумеется, не могло быть места в «Кавказе» произведению, которое изобличало буржуазное общество. Да и «Макар Чудра» не подходил для официоза наместника и напечатан был случайно, благодаря Цветницкому.

Иногда Алексей Максимович писал стихи. Они удавались ему, отличались музыкальностью. Была у него тетрадка, заполненная тоже, повидимому, стихами, но он никому ее не показывал. Это, говорил он, — пустяки. И лежала тетрадь в котомке. Помню одно маленькое стихотворение:

«Я хотел бы вас любить.

Не умею нежным быть.

Нет, я груб.

Не слетят слова любви

С жарких губ».

А. КАЛЮЖНЫЙ

★

В октябре 1892 года Горький уехал в Нижний. Он продолжал писать и печататься. Однажды, это было в 1898 году, за мной явились жандармы. Привели на квартиру к ротмистру Конисскому.

— Вы — Калюжный?

— Да.

Конисский отрекомендовался. Допрос продолжался минут десять без записи показаний. Прежде всего он спросил:

— Вы знакомы с Максимом Горьким?

Характерно, что ротмистр говорил — Горький, а не Пешков.

— Знаю. Но в чем дело?

— Видите ли, он замешан в политическом деле, — продолжал испытующе Конисский.

О том, что Горького привезли из Нижнего и заключили в Метехскую тюрьму (в Тифлисе), я ничего не слышал. Затем он был выпущен на свободу и выслан, кажется, под особый надзор полиции. Вскоре я получил от него письмо, касавшееся знакомой Горького — Ольги Фоминишны Каменской.

Когда я пришел к Ольге Фоминишне, она писала картину маслом. Меня тогда заинтересовало, что сблизило Алексея Максимовича с Ольгой Фоминишной. Лишь много лет спустя, прочтя рассказ «О первой любви», я понял, что это Каменскую изобразил Горький.

«Я хорошо чувствовал ее острый, цепкий ум, — пишет Горький в рассказе, — понимал, что она культурно выше меня, видел ее добросердечно-снисходительное отношение к людям».

И дальше:

«Она уходит в угол комнаты и говорит оттуда; сделаем так: вы уезжайте в Нижний, а я останусь здесь, подумаю и напишу вам...»

Переписывались ли они, — не знаю.

В мае 1900 г. приехали в Тифлис и остановились в «Северной гостинице» Горький, Чехов, Васнецов и с ними врачи Средин и Алексинский. Приехали они из Крыма, совершая экскурсию по Кавказу. Средин прибыл первым. О нем писал мне Горький. Остальных я встретил на вокзале.

В те дни Чехов обычно грустил, любил уединение. Я думаю, что его томили предчувствия, вызванные болезнью. Как-то мы сидели в гостинице и он в общей беседе сказал, что в России безраздельно правят пьянство, сифилис, безграмотность. У нас, говорил он, земля населена не густо, нужно гуще населить, развить промышленность. Это было исключительное высказывание, потому что Чехов политических тем почти не затрагивал.

Пробыли они в Тифлисе с неделю. Съездили в Мцхет. Горький проводил время больше с Алексинским. С ним он дружил. В Мцхете осмотрели собор, походили по селу, осмотрели еще другие монастыри.

В 1903 г. Горький снова приехал в Тифлис с женой. Остановились они в гостинице «Лондон».

В 1925 году друзья решили отпраздновать 35-летие моей службы на Закавказской дороге. Не сказав мне ничего, они написали об этом Алексею Максимовичу в Сорренто. Письмо, полученное от Горького, вскрыли самочинно и прочли на моем юбилейном вечере. Меня очень обрадовали приветственные строки письма Алексея Максимовича.

«С той поры, как счастливо для себя встретился с Вами, — писал Горький, — прошло тридцать четыре года. С того дня, как мы виделись второй и последний раз, истекло двадцать два года. За это время я встретил сотни людей, среди них были люди крупные и яркие. Но, поверьте, никто из них не затуманил в памяти сердца моего Ваш образ. Это потому, дорогой друг, что Вы были первым человеком, который отнесся ко мне истинно по-человечески».

Я надеялся увидеть Алексея Максимовича в 1928 г., когда он приезжал в Тифлис. Я был тогда на даче. Мы разехались, и нам так и не пришлось больше встретиться... И вот теперь потрясен сообщением, что этот прекрасный человек был умерщвлен подлыми бандитами из «право-троцкистского блока». Но его благородный образ всегда будет жить в нашем сознании, в каждой строчке его превосходных произведений.

ТБИЛИСИ.